

УДК 130.3

Марксистская категория деятельности с точки зрения психоанализа и экзистенциализма

Гурьянов Алексей Сергеевич

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и медиакоммуникаций,
Казанский государственный энергетический университет,
420034, Российская Федерация, Казань, ул. Красносельская, 51;
e-mail: alexeigurianov@rambler.ru

Аннотация

В статье рассматривается основополагающая для марксистской антропологии категория деятельности в свете ее психоаналитического и экзистенциального аспектов. Автор ставит своей целью выявление потенциала категории деятельности через привлечение материала, находившегося под идеологическим запретом или тенденциозно освещавшегося в советское время. Утверждается, что деятельность является местом соприкосновения столь различных направлений в европейской философии, как марксизм, психоанализ и экзистенциализм: самодеятельность неравнодушного, заинтересованного в общественно-историческом бытии человека фундирована природными влечениями, наполняющими энергией изначальную экзистенциальную беспредметную заботу внутримирным сущим. Так повседневная озабоченность миром, сама по себе не требующая драйва, ибо размеренная, привычная, машинальная, трансформируется в целеполагающую предметную деятельность по изменению мира и самого человека. В статье отстаивается идея, согласно которой деятельность – сублимированный результат перехода базового природного влечения к удовольствию на новый уровень через присутствие, размерные каналы экзистенциальной заботы миром. Поэтому деятельность как самодеятельность, состоящая в личностном творческом опредмечивании и социальном распредмечивании ее результатов, приносит настоящее глубокое наслаждение ее носителю. Такая деятельность привносит новизну в мир и меняет самого человека.

Для цитирования в научных исследованиях

Гурьянов А.С. Марксистская категория деятельности с точки зрения психоанализа и экзистенциализма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 1А. С. 250-257.

Ключевые слова

Деятельность, самодеятельность, влечения, забота, бытие-в-мире, сублимация, экзистенция, энергия, творчество, наслаждение, удовольствие.

Введение

М. Фуко как-то отметил решающую «семиотическую» роль К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда для всей последующей философии. Перефразируя Фуко, на наш взгляд, марксизм, психоанализ и экзистенциализм определили антропологическую атмосферу конца XIX – первой половины XX века. Объединение этих трех направлений в европейской философии выглядит весьма эклектично: различие в предмете, методологии, способах организации знания и исходных мировоззренческих установках очевидно. Хотя существовали и существуют различные «междисциплинарные» конструкции, нацеленные на раскрытие потенциала каждого из этих трех направлений в «интересах» других: многое видится на расстоянии. Так, В. Райх и Г. Маркузе разрабатывали фрейдомарксизм, Л. Бинсвангер и М. Босс заложили основания экзистенциальной психологии и *dasein*-анализа, Э. Блох и Ж.-П. Сартр раскрывали гуманистический потенциал марксистской теории в духе экзистенциализма. Соответственно, уже формально мы можем предположить существование некоего общего смыслового поля, в которое умещаются все три могущественные традиции европейской философии XX века, и опыт, к примеру, Э. Фромма служит тому подтверждением. Во всяком случае, его внимание к психоанализу и собственная интерпретация Эдипова комплекса через социальные факторы, формирующие человека и преобразующие его в стремлении быть человеком, а не иметь материальные блага в разных формах, разными гранями соприкасаются со всеми тремя направлениями.

Очевидно, что именно в антропологии «сходятся» все три линии, и концептуальный ввод в общую для всех них проблематику мы видим в теории деятельности. Деятельности в ее классическом понимании как базового способа отношения человека к действительности, практически преобразующего реальность и самого человека, то есть так, как понимали деятельность Маркс и Энгельс, а в отечественной философии и психологии – С.Л. Рубинштейн, Э.Г. Юдин, Э.В. Ильенков и др.

В работе «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» Маркс по сути дела указывает на сферу деятельности как место, в котором смыкаются и экзистенциальные, и психоаналитические, и собственно диалектико-материалистические представления о человеке: «В качестве природного существа, притом живого природного существа, он, с одной стороны, наделен *природными силами, жизненными силами*, являясь *дейтельным* природным существом; эти силы существуют в нем в виде задатков и способностей, в виде *влечений*; а с другой стороны, в качестве природного, телесного, чувственного, предметного существа он, подобно животным и растениям, является *страдающим*, обусловленным и ограниченным существом, то есть *предметы* его влечений существуют вне его, как не зависящие от него *предметы*; но эти предметы суть *предметы* его *потребностей*...» [Маркс, 1956, 631]. В этой цитате присутствуют все ключевые концепты представления Маркса о человеке: *влечения и природные потребности* как основа психоанализа; *страдание* человека как ограниченного, природного и потому смертного существа, которому противостоит отличный от него материальный мир, что лейтмотивом проходит через европейский экзистенциализм и персонализм; *предметная, преобразующая деятельность* человека, посредством которой он удовлетворяет свои природные потребности.

Психическая основа деятельности

Психоанализ после Фрейда во многом переоценил теорию влечений и сместил акценты в вопросе о роли сексуальных потребностей в общественном сознании человека. В целом, прослеживается тенденция на расширительное толкование влечений и многообразие форм сублимации. Уже К.Г. Юнг пытался освободить теорию бессознательного от доминирования сексуальности, связывая влечения с желаниями, удовлетворение которых сопровождается переживанием *удовольствия* самого разного характера. Ранк, Адлер, Штекель, Блум и многие другие также поддерживали эту линию на широкое толкование либидо, понимая под ним психическую энергию в целом. Но расширительно можно толковать не только психосоматические потребности человека, но и формы либидинозного выплеска этой психической энергии, не имеющей какого-либо преимущественного канала в форме искусства или какой бы то ни было другой отдельно взятой сферы. Расширительно можно толковать и формы социального запрета на удовлетворение базовых потребностей: не только моральные и религиозные установки диктуют сознанию «правила» удовлетворения инстинктивных потребностей, но весь социально-исторический мир со *сложившимся положением вещей* в нем противостоит сознанию, ибо мир изначально принуждает вступающего в него человека принимать его таким, каков он есть, и длится это долгие годы. Соответственно, под положением вещей мы имеем в виду определенное положение общественной реальности на данном этапе ее развития, сложившееся помимо отдельного человека и принимаемого как данность. И это фрустрирующее противоречие между влечениями и возможностями их удовлетворения фундирует изначально страдание человека, вынужденного считаться с миром, идти с ним на компромиссы, так как мир, безусловно, сильнее отдельного человека. Неслучайно П.Н. Кондрашов считает страдание центральным антропологическим понятием Маркса, «...*основополагающей* категорией, несущей наибольшую *экзистенциальную* нагрузку в философии Маркса, является понятие *страдания (leiden)*» [Кондрашов, 2015, 54].

Феномен сублимации как социально значимой трансформации влечений вполне вписывается в этот взгляд на деятельность. В свете расширительной трактовки влечений под сублимацией мы понимаем переориентирование психической энергии, фундированной влечением к удовольствию (другая его сторона – агрессивность, ибо любое влечение безусловно и, будучи животным, изначально агрессивно), получение которого блокируется миром, в связи с чем трансформируется и уже в новом «обличии» проявляется в общественно-исторической реальности. Соответственно, удовольствие, испытываемое человеком в новой форме, носит иной характер.

Понятие «удовольствие» со времен Фрейда интерпретируется прежде всего как витальное, связанное с природными потребностями человека, поэтому такое удовлетворение, будучи инстинктивным, не затрагивает собственно сознательную, осмысленную деятельность, а получаемое удовольствие носит временный характер. Поскольку оно не задействует волевых или интеллектуальных усилий, оно лишь внешним образом сказывается на собственно сознательной деятельности. Фромм об этом пишет: «Человек попытался разорвать скуку суетной жизни, на мгновение ему удалось собрать всю свою энергию и достигнуть цели, не вкладывая в это дело ни любви, ни ума; он хотел стать сверхчеловеком, не будучи человеком. В минуту триумфа ему кажется, что он достиг цели, но очень скоро наступает падение, как только он понимает, что внутри него ничего не изменилось, не дрогнул нерв, не замерла душа» [Фромм, 2009, 338-339]. Удовольствие, получаемое в суетных, житейских обстоятельствах, не может преобразовать ни мир, ни самого человека.

Забота как внутримирный вектор деятельности

И здесь мы выходим на тему повседневного и пограничного существования, весьма близкую экзистенциализму. В психоанализе и экзистенциализме феномен повседневности рассматривается преимущественно как дефективный способ существования. Рассуждая о психопатологии обыденной жизни, Фрейд анализирует факторы, ведущие к неврозам повседневности: блокированная, не имеющая выхода сексуальность ведет к навязчивым идеям, забывчивости, машинальности в поведении, оговоркам и т.д. Однако в этих рассуждениях в начале XX века Фрейд расценивает повседневность скорее как сферу проявления неврозов, между тем повседневность как модус бытия может сама быть провоцирующим благодатным фактором, рождающим патологии, и эта сторона была раскрыта уже в экзистенциализме.

Человек – существо трансцендирующее, стремящееся за пределы конечного существования, как бы это выход в бесконечное ни понимался – в религиозном, пограничном, социально-историческом, приключенческом смысле. Соответственно, вне этого устремления человек «консервируется», деградирует и прозябает в рутинном, обезличенном, абсурдном существовании, характерном, пользуясь терминологией М. Хайдеггера, для падающего присутствия, и эту установку на повседневность разделяют кроме него Г. Зиммель, А. Камю и многие другие. Падающее присутствие характеризуется потерянностью человека в публичности, бессмысленности существования: «Падающее бытие-в-мире как соблазнительно-успокаивающее вместе с тем отчуждающее... Присутствие срывается из него самого в него самого, в беспочвенность и ничтожество несобственной повседневности» [Хайдеггер, 1997, 178]. Экзистенциализм видит выход из повседневности преимущественно в обнажении экзистенции в заступающей решимости, мужестве принятия на самого себя собственной конечности, ибо последнее сопровождается метафизическим ужасом, потрясающим человека при осознании временности своего собственного бытия. Но в дефективном, относительно безопасном модусе существования человек экранируется от собственной заброшенности и перспективы неизбежной смерти через озабочивание себя бесконечными повседневными «делами» и всевозможным внутримирным сущим, он теряет себя во всепоглощающем пользовании и потреблении, доставляющем человеку эрзац радости бытия. Соответственно, в повседневности нет условий для сублимирования, ибо нет переключения психической энергии, которая растрачивается в гонке за фетишизированными «маленькими» удовольствиями повседневности, генерируемыми «машиной желаний» и сменяющимися друг друга в бесконечном следовании. Человек, настроенной лишь на потребление, не может ни привнести что-то в мир, ни изменить самого себя.

Наслаждение как квинтэссенция самодеятельности

Между тем «наслаждение» интерпретируется довольно неоднозначно как в психоанализе, так и философии: от постмодернистского «нестерпимого» удовольствия (*jouissance*), его высшей избыточной меры за пределами порога чувствительности, что может быть сопряжено даже с болевыми ощущениями (Ж. Лакан, С. Жижек), до мистико-религиозной радости от соприкосновения с истинным божественным бытием (Григорий Палама, М. Экхарт).

На наш взгляд, обе крайности снимаются в деятельности, совмещающей витальность и выход за ее пределы в духовную сферу: наслаждение укоренено во влечении к удовольствию, но не ограничивается им, ибо возносится, возгоняется на качественно новый уровень переживания. Еще Маркс использовал понятие наслаждения при обозначении переживания,

испытываемого человеком во время реализации своей сущности в деятельности, доставляющей человеку высшее из наслаждений – наслаждение от самореализации и востребованности ее результатов со стороны других людей. Как известно, самодеятельность сочетает в себе две стороны – отсвоение (*ausserung*) и присвоение (*aneignung*), то есть продуктивность и использование продуктов труда обществом. Настоящий писатель – это тот, кого читают. Поэтому ни о какой фетишизации наслаждения в лакановском смысле здесь речи не идет, ибо в последнем случае наслаждение замыкается, теряет связь с общественно-историческим планом деятельности и теряется в фантомах, когда человек стремится лишь к потреблению: вектор лакановского человека на Другого и удовлетворение тем, что он испытывает положительные эмоции вместо тебя, оправдывает себя в ситуации, когда есть *настоящее дело*, которым можно наслаждаться.

Собственно, практика использования слова «наслаждение» подсказывает, как замечает М.Е. Литвак, отличный от удовольствия сознательный план удовлетворения. Как и Маркс, он указывает, что «Степень наслаждения зависит от степени умения» [Литвак, *www*]. И собственный домен для наслаждения – профессиональная деятельность растущего в своем мастерстве человека: лишь то, во что действительно «вкладывается» человек, тем самым перенося себя в результаты своего труда, может принести полноценное наслаждение. Лишь такая деятельность может действительно изменить человека вместе с самим миром, в котором он творит.

В этом свете репрессивное давление со стороны мира – лишь промежуточная фаза подавления влечений. Мы полагаем этот этап не только неизбежным, но и необходимым в деле собственно освобождения человека от навязываемого ему положения вещей: отчужденный, несвободный в смысле подконтрольности миру характер деятельности человека не фатален, ибо с определенного момента он сам получает возможность изменять его в соответствии со своими интересами. Преодоление противоречия между потребностями и возможностями их удовлетворения заставляет человека активизироваться в своем бытии-в-мире, а психическая энергия трансформируется в энергию созидания применительно к любой деятельности, предполагающей конструктивное вмешательство в сложившееся положение вещей. Так деятельность человека из принудительной и отчужденной становится свободной и творческой. Теперь он, пользуясь терминологией Маркса, переносит себя в продукты своего труда в процессе «овнешнения» самого себя в предметной деятельности. Неслучайно сам Маркс часто говорит в этом случае о самодеятельности (*Selbstbetätigung*). Другое дело, что последняя также должна толковаться расширительно: не только как материальная и орудийная, что уже не соответствует современным формам труда, но как творческая, привносящая новизну в мир и меняющая сложившееся положение вещей в нем. Т.В. Кузнецова и З.М. Оруджев справедливо указывают, что история сегодня многими оценивается как проявление духа в самых разных ипостасях: «В настоящее время человек вступает в последнюю историческую эпоху, характерной чертой которой является развитие индивидуально-творческих способностей человека как личности» [Кузнецова, Оруджев, 2012, 22]. Тех способностей, что позволяют человеку отождествлять себя со своей деятельностью и ее неотчужденными результатами. Впрочем, подобное явление духа в истории хотя и является отличительным признаком современной эпохи, тем не менее, не прерогатива лишь настоящего времени, о чем свидетельствует вся история человечества, которая просто не состоялась бы, если бы не деятельность пассионарно настроенных людей, сделавших историю своими усилиями действительной.

Сам Маркс, рассуждая о потребностях самодеятельности, также делает акцент на чувственности, телесности человека, хотя, поскольку психоанализ еще не был разработан, лишь упоминает влечения в одном ряду со способностями и задатками, тогда как именно влечения являются мотором самодеятельности. В своем анализе потребностей он еще не доходит до базовых, животных потребностей. В этом свете М. Шелер справедливо пишет: «... дух и воля человека не могут быть чем-то большим, чем руководство и управление. А это всегда означает только то, что дух как таковой предлагает силам влечения идеи, а воля либо представляет уже имеющимися импульсам влечения такие представления, которые могут конкретизировать осуществление этих идей, либо лишает их этих представлений» [Шелер, 1994, 173].

Заключение

Таким образом, в самодеятельности экзистенциальная беспредметная озабоченность миром, изначально характеризующая присутствие, насыщается энергетическим драйвом со стороны влечений: «исключительно сильным возбуждением, исходящим из отдельных источников сексуальности, открывается выход и применение в других областях, так что получается значительное повышение психической работоспособности из опасного самого по себе предрасположения» [Фрейд, 1990, 98]. И в этих областях озабоченность миром трансформируется в осмысленную, целеполагающую предметную активность. В своем роде допинг для деятельности пассионарий извлекает из собственной природы, что позволяет наполнить экзистенциальную озабоченность внутримирным сущим энергией и изменить привычный, размеренный и предсказуемый образ жизни. Поэтому деятельность – не базовое всеобщее отношение человека к реальности, но складывается из двух исходных элементов, а именно влечений и экзистенциальной заботы.

Соответственно, фундаментальным мотивом для деятельности человека в мире мы полагаем стремление человека укрыться, пользуясь терминологией Хайдеггера, от самой своей, безотносительной и не-обходимой возможности быть, а вернее не быть, то есть смерти, от которой человек бежит в своей озабоченности миром; главными потребностями для деятельности являются психосоматические потребности или влечения, находящие себе выход в сублимированном виде в различных общественно значимых областях; фундаментальной целью деятельности мы полагаем вовлеченность в общественно-исторический мир и принятие участия в преобразовании мира и самого себя в соответствии с интересами общества в их субъективном понимании.

Библиография

1. Кондрашов П.Н. К вопросу о возможности построения системы экзистенциальных категорий в философии Карла Маркса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Т. 15. Вып. 3. С. 47-64.
2. Кузнецова Т.В., Оруджев З.М. Историческое в природе человека // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 14-24.
3. Литвак М.Е. Скажи, чем ты наслаждаешься, и я скажу, кто ты. URL: <https://www.econet.ru/articles/157235-mihail-litvak-skazhi-chem-ty-naslazhdaeshsya-i-ya-skazhu-kto-ty>.
4. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. М.: Политиздат, 1956. С. 517-642.
5. Фрейд З. Очерки о психологии сексуальности. Мн.: БелСЭ, 1990. 166 с.
6. Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? М.: АСТ МОСКВА, 2009. 442 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: AdMarginem, 1997. 452 с.
8. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

The Marxist category of activity from the point of view of psychoanalysis and existentialism

Aleksei S. Gur'yanov

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of philosophy and media communications,
Kazan State Power Engineering University,
420034, 51 Krasnosel'skaya st., Kazan, Russian Federation;
e-mail: alexeigurianov@rambler.ru

Abstract

The article considers the fundamental anthropological category of activity in Marxism in the light of its psychoanalytic and existential aspects. The author aims to determine the potential of the category of activity with the help of the material that was under ideological press in the Soviet period. The author argues that the activity is the point where such various directions of European philosophy as Marxism, psychoanalysis, and existentialism joint together: a self-activity of a person interested and engaged in social and historical being is grounded in natural impulses that fill the original existential indirect care about the world with energy. So everyday concern about the world that does not require a drive since it is ordered, familiar, and mechanical, is transformed into a goal-oriented objective activity to change the world and the person himself. The article advocates the idea that the activity is a sublimated result of transition of the basic natural drive for enjoyment to a new level through the anthropomorphic channels of existential concern about the world. So the activity as self-activity consisting in personal creative externalization and social appropriation of its results brings the true pleasure to its bearer. Such activities bring novelty to the world and change the person.

For citation

Gur'yanov A.S. (2018) Marksistskaya kategoriya deyatel'nosti s tochki zreniya psihoanaliza i ekzistentsializma [The Marxist category of activity from the point of view of psychoanalysis and existentialism]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (1A), pp. 250-257.

Keywords

Activity, self-activity, drive, care, being-in-the-world, sublimation, existence, energy, creativity, pleasure, enjoyment.

References

1. Freud Z. (1990) *Ocherki o psikhologii seksual'nosti* [Essays on the theory of sexuality]. Minsk: BelSE Publ.
2. Fromm E. (2009) *Zabytyi yazyk. Imet' ili byt'?* [The forgotten language. To have or to be?]. Moscow: AST MOSKVA Publ.
3. Khaidegger M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and time]. Moscow: AdMarginem Publ.
4. Kondrashov P.N. (2015) *K voprosu o vozmozhnosti postroeniya sistemy ekzistentsial'nykh kategorii v filosofii Karla Marksa* [On the question of the possibility of construction of the existential categories system in Karl Marx's philosophy]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Scientific

-
- yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences], 15 (3), pp. 47-64.
5. Kuznetsova T.V. Orudzhev Z.M. (2012) *Istoricheskoye v prirode cheloveka* [The historical part of human nature]. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 4, pp. 14-24.
  6. Litvak M.E. *Skazhi, chem ty naslazhdayeshsya i ya skazhu kto ty* [Tell me what you enjoy and I'll tell you who you are]. Available at: <https://www.econet.ru/articles/157235-mihail-litvak-skazhi-chem-ty-naslazhdaeshsya-i-ya-skazhu-kto-ty> [Accessed 10/10/2017].
  7. Marks K. (1956) *Ekonomicheskoye-filosofskie rukopisi 1844 g.* [Economic and philosophic manuscripts of 1844]. Moscow: Politizdat Publ.
  8. Scheler M. (1994) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Gnozis Publ.